

Слово редактора

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В КОНТЕКСТЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА: КОНЦЕПТ МИШЕЛЯ ФУКО

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье рассматривается вклад Мишеля Фуко в формулировку проблемы генезиса государственных интересов и связанных с ней трактовок правительства и суверенитета. Автор полагает, что концепция Фуко может быть использована в критическом, методологическом и содержательном анализе всех модификаций и трактовок государственных интересов и суверенитета, которые сложились в СССР и существуют в постсоветском пространстве до настоящего времени. Она позволяет выйти за пределы любви и ненависти к государству. При таком подходе государственные интересы, правительство, и суверенитет рассматриваются как змеиный клубок глубоких противоречий политической мысли и практики. Данные противоречия обычно маскируются «системами организованной лжи», присущими абсолютному большинству государств, и обусловлены влиянием макиавеллиевской традиции на современную форму государств вообще, а российского государства в особенности.

Ключевые слова: политическая теория Фуко, государственные интересы, правительство, суверенитет.

В одной из книг пятнадцатилетней давности и недавно опубликованной статье я показал, что в истории Европы главным злом были и остаются материальные интересы и конкуренция, а в истории России главным злом были и остаются отношения «власти-собственности» [Макаренко 2000; Макаренко 2015]. Требуется развитие данных идей для дальнейшей аргументации противоположности между интересами правительства и интересами населения России. Эта статья посвящена вкладу Мишеля Фуко в формулировку и аргументацию его способа видения данной проблемы.

Надо отметить, что теоретическое наследство Фуко громадно, породило обильную комментаторскую литературу. Но она остаётся в рамках узкого круга специалистов. За его пределами идеи Фуко практически не используются для обсуждения проблемы государственных интересов в контексте бюрократического господства. Первым кирпичом при строительстве этого здания может быть обсуждение основных результатов его анализа генезиса государственных интересов и правительства.

Дополнительным аргументом необходимости разбора концепции Фуко является типичный в российском массовом сознании шаблон отождествления государства с правительством и аппаратом государственного управления. Несмотря на все попытки реформы государственной службы, политический режим России остаётся персоналистским [Краснов 2006] и влияет на политическое сознание молодёжи [Соколов 2015]. Значит, требуется разбор теоретических предпосылок непредвиденных следствий персонификации власти как элемента государственных интересов. Задача данной статьи минимальна: вычленив отправные пункты переосмысления проблемы государственных интересов в трудах Фуко.

Французский мыслитель исходит из факта: в настоящее время государственные интересы имеют преимущественно отрицательный смысл. Государственный интерес — это нарушение правовых принципов, принципов справедливости и человечности в интересах государства. Фуко стремится выявить позитивный смысл государственных интересов. Проследим развитие его аргументов.

Холодный монстр или абстракция?

Фуко поставил кардинальную проблему переосмысления роли государства в его капиталистическом и социалистическом воплощениях для того, чтобы выйти за пределы любви и ненависти к государству. Томас Гоббс квалифицировал государство как Левиафан — мифическое чудовище. Фридрих Ницше назвал государство самым холодным из всех холодных чудовищ. Фуко тоже предлагает называть государство «холодным монстром», поскольку до сих пор генезис, история, мощь и издержки государства порождают сильные эмоции. На протяжении XX века переоценка проблемы государства выражалась в двух формах: непосредственной, аффективной и трагической; сведении государства к набору функций типа развития производительных сил и воспроизводства производственных отношений. Но даже редуцированная роль государства делает его сущностно важным в качестве мишени для нападения и в качестве средства обретения привилегированного положения.

Фуко берёт государство под защиту, предлагая иной подход: сегодня и на всем протяжении его истории государство не обладало единством, индивидуальностью, функциональностью и важностью. Государство — это мифологизированная абстракция, которую надо осмыслить. Для современности значима не этатизация общества (согласно стенаниям либералов), но «оправительство» государства. Именно в этом контексте Фуко рассматривает генезис идеи государственного интереса.

Данный интерес возникал при решении проблемы «безопасность-население-правительство», которая породила множество трактатов по «искусству управления» [Фуко 2003: 4–22]. Вся эта литература возникла как реакция на книгу «Государь» Макиавелли. Фуко детально анализирует взаимодействие этой книги со всеми текстами, которые ему следовали, критиковали и отвергали его. Он считает антимакиавеллиевскую литературу позитивным жанром, реконструируя её принцип, королларий и императив.

Принцип. Не существует никакой сущностной, естественной и правовой принадлежности статуса князю, который был и останется экстерниорным и трансцендентным.

Королларий. Такое отношение является внешним и потому находится под постоянной угрозой извне и изнутри; не существует никакой причины, по которой подданные обязаны принимать авторитет государя.

Императив. Цель осуществления власти — поддержание, укрепление и защита княжества, понятого не как сочетание подданных с территорией их проживания, но как отношение князя к унаследованной им территории и к повинующимся ему подданным. Речь идет о защите княжества как отношения князя к своим подданным и к своей территории, но не о за-

щите территории и её жителей напрямую и непосредственно¹. «Я полагаю, — пишет Фуко, — что как раз этот трактат об умелости и сноровке князя антимакиавеллиевская литература желала заменить чем-то другим и по отношению к нему новым, а именно — искусством управлять: уметь сохранить собственное княжество вовсе не означает уметь управлять» [Фуко 2003: 7].

Иначе говоря, Фуко фиксирует исходную противоположность между стремлением сохранить страну (для чего используется насилие, хитрость, манипуляция и прочие составные части политики) и умением управлять ею. Эта противоположность существует во всех странах, а в современной России она обострилась до предела². Фуко не только помогает отвергнуть распространённый аргумент о необходимости сохранения государства, но и выявить множество скрытых за этим аргументом проблем.

В чем же заключается искусство государственного управления? Для ответа Фуко анализирует смыслы слов «управлять» и «правитель» в литературе XVI–XVII вв. Эти смыслы имеют важные политические следствия: государь у Макиавелли и в интерпретациях его толкователей исключителен в своем суверенитете и внешнем и трансцендентном положении относительно этого суверенитета. Но поскольку управлением занимаются многие люди (в качестве отцов семейств, цеховых мастеров, военных командиров, капитанов кораблей и проч.), постольку существует множество правительств. Поэтому правительство государства — лишь одна из многих модальностей управления. Все правительства существуют внутри общества и государства.

Таким образом, реальное множество и имманентность форм управления радикально противостоят единичности государя у Макиавелли. В реальности существуют три типа правления: управление собою относится к морали; управление семьёй принадлежит к экономике; наука управления государством является частью политики, а политика не является ни экономикой, ни моралью. Искусство управления — это ответ на вопрос: как задействовать правила управления семьёй (включая мораль и экономию) в управление государством?

Фуко показывает, что основная цель правительств Нового времени — внедрение экономии в сферу политики. Управлять государством — значит обеспечивать надзор и контроль за жителями и богатствами, за поведением всех и каждого, подобного контролю отца семейства над домочадцами и имуществом. В XVI в. понятие «экономия» обозначало форму правления; в XVIII в. оно уже обозначало сферу вмешательства государства в дела общества. Это и значит «управлять» и «быть управляемым».

Гийом де ла Перьер (один из авторов антимакиавеллиевских трактатов) писал: «Управление заключается в умении верно расставлять вещи, каковые берутся под ответственность, чтобы направить их к соответствующей цели». Эту фразу детально комментирует Фуко, выявляя при этом множество противоречий между социальной реальностью и государственным управлением.

Культ суверенитета и метафора корабля

Макиавелли использовал средневековый правовой принцип, согласно которому суверенитет осуществляется над территорией и подданными, а не над вещами. Территории могут быть плодородными, бесплодными, густо- или редконаселёнными, жители могут быть бога-

¹ Именно на сохранение связи государя со своим княжеством направлено искусство быть государем в изложении Макиавелли. Его анализ включает два аспекта: фиксация и иерархизация опасностей; определение искусства манипуляции отношениями сил, позволяющих князю поступить так, чтобы княжество как связь с собственными подданными и с территорией могло быть защищено.

² Литература по этому вопросу громадна. Ограничусь одной ссылкой [Солженицын 2015].

тыми, бедными, активными или бездеятельными. Все эти элементы являются переменными по сравнению с «территорией» как основанием княжества и суверенитета. Но когда Ла Перьер говорит, что правительство управляет «вещами», он соотносит правительство не с территорией, а с комплексом людей и вещей³. Для этого используется метафора корабля, на которую постоянно ссылаются в трактатах о правительстве⁴. Таково общее руководство для правительства. Основное — это комплекс людей и вещей, а территория и собственность являются переменными⁵.

Конечная цель правительства — «расставлять вещи, чтобы направить их к соответствующей цели». В этом смысле правительство противостоит суверенитету. Юристы и теологи никогда не считали, что легитимный суверен обладает властными полномочиями раз и навсегда. Суверен может считаться достойным правителем только тогда, когда его целью является «общее благо и благоденствие каждого».

Но в чем же состоят общее благо и благоденствие каждого как цель суверенитета? — ставит вопрос Фуко. Обычно юристы и теологи понимают под «общественным благом» ситуацию, когда все подданные подчиняются законам, исполняют возложенные на них обязанности, занимаются ремёслами, соблюдают порядок в той мере, в какой он сообразен законам, предписанным Богом природе и людям. Иначе говоря, общественное благо — это подчинение закону суверена на земле и закону Бога как абсолютного суверена. Стало быть, если целью суверенитета является общественное благо, то всеобщее благоденствие оказывается абсолютной подчинённостью. Это фиксирует логический круг цели суверенитета и сущностную заикленность теории суверенитета Макиавелли: она отсылает к осуществлению суверенитета; а поскольку благо рассматривается как подчинение закону, то цель суверенитета состоит в подчинении людей этому суверенитету.

Но при анализе правительства критики Макиавелли определяли управление как умение верно расставлять вещи, чтобы направлять их не к форме «общественного блага», а к цели каждой из вещей. С этой точки зрения существует множество целей. Правительство должно поступать так, чтобы: производилось наибольшее количество богатств; люди всегда имели избыток средств к существованию; население могло расти. Стало быть, у правительства столько конкретных целей, сколько у него населения. Для достижения этих целей надо правильно расставить вещи. В итоге опять возникает противоречие. То, что позволяло суверенитету достичь его цели, т. е. вызвать подчинение закону, есть сам закон; закон и суверенитет сливались воедино. Однако речь идёт не о том, чтобы навязать закон людям, но о том, чтобы

³ Объекты, за которые правительство должно нести ответственность — это люди, рассмотренные в их отношениях с такими предметами, как богатства, ресурсы, продовольствие, территория в её границах, с её качествами, климатом, засухами, плодородием; люди в их взаимосвязях с такими вещами, как обычаи, привычки, образы действия, образы мысли, происшествия и несчастья, такие, как голод, эпидемии, смерти.

⁴ Управлять кораблём — это значит управлять моряками, брать на себя ответственность за корабль и грузы; учитывать направление ветра, расположение подводных рифов, возможные бури и ненастья; организовывать взаимодействие между моряками, которых необходимо уберечь, и кораблём, который надо сохранить в целостности, а также грузом, который надо доставить в порт, взаимодействие с такими происшествиями, как ветры, подводные рифы, бури. То же касается дома: управлять семьёй означает не только стремиться сохранить имущество семьи, но и заботиться об индивидах, составляющих семью, об их богатстве и благополучии; принимать в расчёт возможные события: смерти, рождения, возможность родства с другими семьями.

⁵ Определение управления как управления вещами всплывает у Фридриха II в его «Анти-Макиавелли». Например, он говорит: сравним Голландию и Россию; хотя Россия — это страна, обладающая самыми протяжёнными границами среди всех европейских государств, но что её составляет? Топи, леса, пустыни; она едва населена кочующими и жалкими бедняками, не имеющими ни занятий, ни промыслов. И возьмите для сравнения Голландию: она также состоит из топей, она совсем мала, однако в Голландии есть густота населения, богатство, торговая деятельность, а также флот, делающий Голландию влиятельной страной в Европе, а вот Россия едва начала приобретать влияние. Следовательно, управлять означает управлять вещами.

расставить вещи. Иными словами, речь идёт об использовании не столько законов, сколько тактик, или об использовании максимума законов в качестве тактик; необходимо действовать так, чтобы при использовании известного количества средств достичь конкретной цели.

Фуко фиксирует принципиальный разрыв или ложь самой идеи суверенитета: если цель суверенитета заключена в нем самом и если суверенитет извлекает из самого себя орудия управления в виде законов, то конечная цель правительства состоит в поисках совершенствования, расширения и интенсификации направляемых правительством процессов; инструменты правительства вместо того, чтобы быть законами, превращаются в разнообразные тактики. Возникает регрессия закона: с точки зрения того, чем должно быть правительство, закон не служит основным орудием.

Есть и ещё одна иллюзия. Гийом де Ла Перьер говорит, что тот, кто умеет управлять, должен обладать «терпением, мудростью и прилежанием». Он приводит в пример шмеля — «короля медоносных мух»: «Шмель царствует над ульем, не прибегая к помощи жала». Бог возжелал показать таким способом, что для исполнения своей власти истинный правитель не нуждается в жале, — умерщвляющем орудии, мече; он должен обладать терпением, а не гневливостью; он не вправе убивать, извлекать доход из собственной силы, являющейся сущностью личности правителя. В чем же состоит позитивный смысл «отсутствия жала»? В «мудрости и прилежании». Однако «мудрость» в данном случае не есть «знание законов человеческих и божественных». Речь идёт о знании всех вещей, всех возможных целей, всех способов их достижения и всех «расстановок» вещей, которые необходимо использовать для достижения целей. Именно такое знание и составляет мудрость суверена. Приписывание суверену такой мудрости — следствие влияния религиозного восприятия мира на осознание роли правительства.

Что касается «прилежания», то оно выражается в том, что суверен имеет право управлять лишь в той мере, в какой он размышляет и действует так, как если бы он состоял *на службе у населения*. В этом случае опять возникает метафора суверена как отца семейства: это тот, кто встаёт раньше, а ложится позже всех, кто за всем бдит, поскольку он находится на службе у собственного дома.

Такая характеристика правительства радикально отличается от характеристики государя у Макиавелли. По мнению Фуко, этот набросок понятия и теории искусства управления был интересен не только теоретикам, но и политикам по следующим причинам:

1. С XVI в. теория искусства управления оказалась связанной с развитием территориальных монархий (появлением аппаратов, промежуточных правительственных инстанций и т. д.).

2. Она была также связана с возникновением совокупности исследований и знаний, сконцентрированных в статистике как науке о государстве в его различных проявлениях, измерениях, факторах, определяющих его мощь.

3. Поиски искусства управления связаны с развитием меркантилизма и кабинетных интриг.

В конце XVI — начале XVII вв. впервые искусство управления сосредоточивается на позитивном смысле государственных интересов. Государство управляется по свойственным ему рациональным законам, которые не выводятся из естественных и божественных законов и заповедей мудрости и благоразумия. Вслед за природой государство обладает собственной рациональностью особого типа. И наоборот: искусство управлять не должно искать обоснований в трансцендентальных законах, космологической модели, философском или моральном идеале, оно должно вывести принципы своей рациональности в особенной реальности государства. Таковы основополагающие моменты первой государственной рационально-

сти. Однако такое понимание государственных интересов тормозит развитие искусства управления до конца XVIII в. Фуко фиксирует ряд причин такого торможения.

К историческим причинам относятся кризисы XVII в.: в начале века Тридцатилетняя война с её опустошениями и разрушениями; в середине века крестьянские и городские мятежи; в конце века финансовый и продовольственный кризис, сказавшийся на политике западных монархий. Отсюда вытекает своеобразное правило: искусство государственного управления может расширяться, осмысливаться и осваивать новые сферы только в периоды роста, когда перед правительствами не стоят насущные военные, экономические и политические задачи, беспокоившие их на протяжении всего XVII в. Иначе говоря, искусство управления не может сложиться в обычных условиях существования государства.

Кроме того, искусство управления тормозится действием институциональных и ментальных структур. В любом случае примат проблемы реализации суверенитета как теоретической проблемы и принципа политической организации, являлся основным фактором, блокировавшим развитие искусства управления. Пока суверенитет был центральной проблемой, институты суверенитета играли решающую роль и исполнение власти осмыслялось как осуществление суверенитета, искусство управления не могло развиваться самостоятельно. Наглядным примером является меркантилизм. Он стал первым достижением искусства управления на уровне политической практики и знаний о государстве. Меркантилизм — это первый уровень рациональности искусства управлять; первичная рационализация исполнения власти как правительственной практики; первая попытка создания науки о государстве, способной стать тактикой правительства. Однако меркантилизм был остановлен именно потому, что ставил основной целью мощь суверена: как поступать не столько для того, чтобы страна была богатой, сколько для того, чтобы суверен мог располагать богатствами, обладать сокровищами, формировать войско и с его помощью проводить свою политику? Цель меркантилизма — мощь суверена, а инструменты — законы, постановления, установления как традиционные орудия суверена. Меркантилизм попытался ввести искусство управления внутрь блокирующей его институционально-ментальной структуры суверенитета.

Суверенитет как тормоз развития

Таким образом, на протяжении почти двухсот лет искусство управления было заблокировано рамками суверенитета и моделью семьи. Искусство управления либо пыталось примкнуть к общей структуре суверенитета, либо сводилось к конкретной схеме управления семьёй. Искусству управления не удавалось найти свойственное ему измерение. Поэтому оставался нерешенным вопрос: как сделать так, чтобы правитель мог управлять государством так же хорошо, как управляют семьёй?

Разблокировка искусства управления не имела никакой связи с деятельностью правительств. Она произошла в контексте демографической экспансии в XVIII в. Этот процесс был связан с обилием денег по мере роста объёма сельскохозяйственной продукции благодаря циклическим процессам. Но Фуко обращает внимание на статистику, которая функционировала только в рамках суверенитета (внутри и в интересах монархического руководства) и стала основным фактором разблокировки.

Акцент на население позволил отбросить модель семьи и сфокусировать понятие «экономики» вокруг иных реалий. Раньше статистика функционировала в рамках суверенитета. Теперь она обнаружила собственные закономерности населения: уровень смертности, частоту заболеваний, коэффициент несчастных случаев. Статистика показала, что эпидемии, территориальная экспансия, кривая занятости и накопления несводимы к процессам внутри се-

мы. Перемещения, способы действия и активность населения приводят к определенным экономическим следствиям.

Фуко фиксирует три таких следствия.

1. Искусство управления до возникновения проблематики населения могло осмысляться только на основе модели семьи и семейной экономики. Едва население начинает проявлять несводимость к модели семьи, семья перестаёт быть образцом. С середины XVIII в. семья начинает играть инструментальную роль по отношению к населению. Это проявилось в кампаниях за укрепление нравственности и брака, за популяризацию прививок и вакцинаций. Акцент на население позволил разблокировать искусство управления именно потому, что отбросил семью как образец.

2. Целью управления стало улучшение жизни народов, увеличение их благосостояния, продолжительности жизни, совершенствование здравоохранения. Однако инструментами правительства для достижения этих имманентных населению целей вынуждено было стать само население. На него начали воздействовать непосредственно (при помощи кампаний) или опосредованно (при помощи техник, позволяющих стимулировать уровень рождаемости или направлять потоки населения в конкретные регионы и виды деятельности). Целью и инструментом управления стало население, а не мощь суверена. Оно стало субъектом, поскольку имело свои потребности и устремления. Но для правительства оно стало объектом, осознающим собственные желания, но не осознающим того, что его заставляют делать. Целью и основным инструментом управления населением стала выгода каждого отдельного индивида и выгода как интерес всего населения, вне зависимости от интересов и устремлений отдельных индивидов.

3. Население стало центром, вокруг которого организуется «кропотливость суверена». Построение знания для правительства неотделимо от формирования знания о процессах, вращающихся вокруг населения в широком смысле. Наука «политической экономии» выстраивается как рассмотрение непрерывной и многообразной сети отношений между населением, территорией и богатством, и в то же время как вмешательство правительства в сферы экономики и демографии. Короче говоря, переход от искусства управления к политической науке, от режима господства структур суверенитета, к режиму, подвластному правительственным техникам, вращается вокруг населения и возникновения политической экономии.

Короче говоря, искусство управления как политическая наука привело к ограничению суверенитета. Суверенитет уже не был основанием искусства управления. Наоборот, искусство управления стало правовой и институциональной основой суверенитета государства. Именно в этом смысле проблема суверенитета обостряется до предела.

Но дисциплина тоже не отменяется. Она процветает в школах, мастерских, армии, которые образуют единый процесс с развитием великих административных монархий. Ценность и важность дисциплины возросли после первых попыток управлять населением. Управление населением — это не только общее руководство совокупностью явлений или руководство явлениями на уровне их общих следствий; управление населением — это глубинное, детальное и тонкое управление. Идея руководства населением ещё более обостряет проблему обоснования суверенитета и делает настоятельной необходимость развития дисциплинарных практик.

Таким образом, происходящее необходимо понимать не как замещение общества суверенитета дисциплинарным обществом, а затем общества дисциплинарного обществом управления. В действительности, возникает треугольник: «суверенитет-дисциплинарные практики-правительственное управление», главная цель которого — население, а основные механизмы — аппараты безопасности.

По мнению Фуко, существует глубинная историческая связь между рядом движений: нарушением констант суверенитета и сдвигу их за проблему выбора определённого управле-

ния; возникновением «населения» как данности, сферы для вмешательства и цели техник управления; выделением экономики как особой области действительности, а политической экономии — сразу как науки и техники вмешательства правительства в эту область. После XVIII в. правительство, население и политическая экономия до сих пор составляют блок, который до сих пор считается неразделимым.

Все эти проблемы Фуко объединяет под общим названием «безопасность, территория и население». Они входят в состав истории правительственности (т. е., государственного интереса). Словом «правительственность» Фуко обозначает три момента:

1. Комплекс учреждений, процедур, исследований и анализов, расчётов и тактик, позволяющих претворять в жизнь специфическую и сложную форму власти. её основная цель — население, основная форма знания — политическая экономия, технический инструмент — аппараты безопасности.

2. Общую тенденцию стран Запада, которая привела к преобладанию типа власти, который можно назвать «управлением» суверенитетом и дисциплиной; это способствовало развитию ряда особых правительственных аппаратов и целого ряда знаний.

3. Процесс преобразования средневекового государства правосудия в административное, а затем «оправительственное» государство.

Оправительство государства вызвало массу ответных реакций. Задачи правительственности и техники управления становились единственной ставкой в политике и единственным реальным пространством борьбы и политических схваток. Такое оправительство государства позволило государству выжить. Современное государство не может обойтись без правительственности, занимающей сразу внутреннее и внешнее положение. Именно правительственные тактики позволяют в любой момент определить то, что должно и не должно относиться к государству, что является публичным и частным, государственным и негосударственным. Долгожительство и рамки государства следует понимать только на основе общих тактик правительственности.

В заключение Фуко предлагает описывать экономические структуры и экономии власти на Западе как комплект трех параметров:

- государство правосудия, возникшее на территории феодального типа и соответствовавшее обществу закона — обычного и писаного права;

- административное государство, появившееся в XV–XVI вв. и соответствующее обществу предписаний и уставов;

- правительственное государство, которое определяется совокупностью, объемом и плотностью населения на определенной территории. Такое государство правительства, опирающееся на население и соотносящееся с используемыми инструментами экономического знания, соответствует обществу, контролируемому аппаратами безопасности.

Но суть дела в том, что современная правительственность зародилась на основе: архаической модели христианского пастырства; военно-дипломатической модели; модели полиции в устаревшем смысле понятия. Епископат, новая военно-дипломатическая техника и полиция — три важнейших элемента, на основе которых произошло оправительство государства, фундаментальное явление в истории Запада.

Выводы

Переосмысление Мишелем Фуко проблемы роли государства в его капиталистическом (западном) и социалистическом (российско-советском) воплощении сводится к отрицанию единства, индивидуальности, функциональности и важности государства и определения его как мифологизированной абстракции. Для современности значима не этатизация общества,

но оправительствование государства. Позитивный смысл идеи государственного интереса складывался в этом контексте. Данный смысл можно свести к следующим ключевым положениям.

Существует противоположность между стремлением сохранить страну и умением управлять ею. Эта противоположность характерна для всех стран и выражается в персонализации государственного суверенитета в рамках макиавеллиевской традиции политической мысли и практики. Эту традицию надо отвергнуть на основании факта: существует множество правительств и потому правительство государства — лишь одна из модальностей управления.

Основная цель правительств Нового времени — внедрение экономии в сферу политики. Управление государством — это вмешательство правительства в дела общества. На этой основе возникает множество противоречий между социальной реальностью и государственным управлением.

Метафора корабля отражает комплекс основных (люди и вещи) и переменных (территория и собственность) элементов государственного управления. В любом случае правительство противостоит суверенитету. Если целью суверенитета является общественное благо, то всеобщее благоденствие оказывается абсолютной подчинённостью. Это фиксирует логический круг цели суверенитета и сущностную заикленность теории суверенитета Макиавелли. Любое слияние закона и суверенитета опасно, поскольку ведёт к регрессии закона. Закон не является основным орудием правительства. Приписывание суверену мудрости — следствие влияния религиозного восприятия мира на осознание роли правительства.

Позитивный смысл государственных интересов заключается в особенной реальности (или рациональности) государства. Однако такое понимание государственных интересов тормозит развитие искусства государственного управления. Историческими причинами такого торможения являются войны, восстания, финансовые и продовольственные кризисы. Искусство государственного управления может развиваться только тогда, когда перед правительствами не стоят насущные военные, экономические и политические задачи. Искусство управления не может сложиться в обычных условиях существования государства.

Искусство управления тормозится также действием институциональных и ментальных структур. Примат проблемы реализации суверенитета как теоретической проблемы и принципа политической организации — основной фактор блокировки искусства государственного управления. Модель семьи тоже является фактором блокировки. Сюда же относится любая персонификация власти суверена и меркантилизм как направление экономической политики. Эти способы блокировки могут существовать на протяжении целых столетий.

Способом разблокировки искусства управления является независимая от правительства статистика, которая фиксирует собственные закономерности населения и порождает ряд следствий. Наука «политической экономии» выстраивается как рассмотрение сети отношений между населением, территорией и богатством, и в то же время как обоснование вмешательства правительства в сферы экономики и демографии. Но идея руководства населением ещё более обостряет проблему обоснования суверенитета и делает настоятельной необходимость развития дисциплинарных практик.

Современные государственные интересы есть следствие генезиса треугольника (суверенитет-дисциплинарные практики-правительственное управление), главная цель которого — население, а основные механизмы — аппараты безопасности. Они входят в состав истории правительственности или государственного интереса. Оправительствование государства есть способ его выживания. Таков главный интерес современного государства. Долгожительство и рамки государства есть результат общих тактик правительственности. В их состав входят государство правосудия, административное государство и правительственное государство, ко-

торое определяется совокупностью, объёмом и плотностью населения на определённой территории. Такое государство соответствует обществу, контролируемому аппаратами безопасности.

В целом современная правительственность (государственные интересы) зародилась на основе моделей христианского пастырства, военно-дипломатической модели и модели полиции как благочиния. Таковы важнейшие элементы оправительствования государства — т. е. системы современных государственных интересов.

Концепция Фуко может быть использована в критическом, методологическом и содержательном анализе всех модификаций и трактовок государственных интересов и суверенитета, которые сложились в СССР и существуют до настоящего времени. Она позволяет выйти за пределы любви и ненависти к государству, рассматривать правительство, государственные интересы и суверенитет как клубок противоречий, обусловленных влиянием макиавеллиевской традиции на современную форму государств вообще, а российского государства в особенности. Ведь Россия до сих пор не знает государства, свободного от правительства и постоянных колебаний политического курса как случайной величины от множества внутренних и внешних влияний — иррациональной константы политической истории страны.

Краснов М.А. 2006. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — Доступно: <http://www.liberal.ru/upload/files/krasn.pdf>. — Проверено: 8.10.2015.

Макаренко В.П. 2015. Государственные интересы в контексте бюрократического господства. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.3/01.pdf>. — Проверено: 8.10.2015.

Макаренко В.П. 2000. *Проблема общего зла: расплата за непоследовательность*. — М.: Вузовская книга.

Соколов М. 2015. *Первое путинское поколение*. — Доступно: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27331008.html>. — Проверено: 8.10.2015.

Солженицын А. 2015. *Как нам обустроить Россию?* — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.

Фуко М. 2003. Правительственность (идея государственного интереса и её генезис). — *Логос*. — № 4–5.